

Куда идет тунисская «революция»?

Жаркое лето после бурной весны

Мария Видясова

Новые массовые движения в арабских странах: общее и особенное

Тунис был той страной, где 17 декабря 2010 г. вспыхнули массовые волнения, которые в начале следующего года охватили почти весь арабский мир. Одни называют их серией «первых народных революций XXI в.», другие «пробуждением Арабского Востока» или «Арабской весной», третьи «молодежными революциями» или «*Facebook revolutions*», «*Twitter revolutions*», имея в виду исключительно высокую роль информации, передававшейся по социальным сетям. Передававшейся мгновенно, в обход официальных СМИ, и собиравшей народ на площадях, где звучало требование «Уходи!», обращенное к президентам с «непрерывным стажем» от 23 до 30 лет: Зину аль-Аби-

дину Бен Али (Тунис), Хосни Мубараку (АРЕ), Али Абдалла Салеху (Йемен), а также к Башару Асаду (10 лет президентства «по наследству», Сирия) и полковнику Муаммару Каддафи – «лидеру ливийской революции».

Тем, кто следил за событиями по телевидению, запомнилось его появление 25 февраля 2011 г. на Зеленой площади в Триполи не в привычных для него фуражке или чалме, а в шапке-ушанке с кожаным верхом. Говорил он с высоты старой крепостной стены, целовал свою «Зеленую книгу», обличал итальянский империализм былых времен. Он заявил, что он сам всецело с молодежью, и велел ей «веселиться, петь и плясать на улицах».

Гражданская война в Ливии разгоралась, неся на себе отпечаток земля-

ВИДЯСОВА Мария Федоровна – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой «Политология Востока» Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. *E-mail:* maria@iaas.msu.ru

Ключевые слова: Тунис, революция, политические партии, модернизм, ислам, исламизм.

ческих и межплеменных конфликтов, долгие годы тлевших под спудом режима «прямого народовластия».

Свою локальную окраску получили волнения на Бахрейне и в восточной части Саудовской Аравии, где (в обоих случаях) восстало шиитское население, которое не ставило под вопрос легитимность существующего монархического строя, но требовало для себя более широких политических прав. Нечто похожее произошло в Кувейте, где возмутились жители, не имеющие кувейтского подданства, и в Иордании, где гнев толпы обрушился на правительство, которое было смещено королем, а срочное выделение средств на решение назревших социальных проблем позволило сбить накал страстей.

Довольно быстро (но надолго ли?) улеглись волнения в Алжире, которые в начале января 2011 г. вылились в столкновения взбунтовавшейся молодежи с полицией на улицах крупнейших городов. Комментаторы тогда снова заговорили, что в АНДР де-факто господствует армия, упоминали некоего серого кардинала от спецслужб, более влиятельного, чем сам президент Бутефлика; при этом телерепортажи показывали, что в алжирской столице с балконов жилых домов свисают государственные флаги Алжира и Туниса.

«Где достать тунисский флаг?» – спрашивали в Египте по Интернету накануне «Дня гнева», который был назначен здесь на 25 января 2010 г. Однако грозные волнения начались в Каире в пятницу 26-го после утренней молитвы, когда людское море хлынуло на центральную площадь ат-Тахрир. Манифестанты оккупировали ее на две недели с лишним, чуть не подожгли Египетский музей (а здание МВД сожгли) и добились своего – ухода в отставку президента Мубарака.

Тунисских знамен в их руках не было видно, но 18 февраля, через семь дней после этой отставки, Мухаммед эль Барадей, бывший глава МАГАТЭ, сказал, на наш взгляд, важную вещь: «Тунисцы показали: „мы можем“». И это внезапное преодоление страха перед репрессивным режимом в стране, которая раньше мало интересовала египтян, вдохновило их на массовые антиправительственные выступления, которых никто не ожидал, хотя ноябрьские парламентские выборы 2010 г. в АРЕ прошли в напряженной атмосфере.

Полной неожиданностью и для политиков, и для политологов стало то, что сигнал к восстанию широкой «арабской улицы» исходил из Туниса, считавшегося оазисом спокойствия в Северной Африке, образцом политической стабильности и достижения удовлетворительных темпов экономического роста, обеспеченного не природной рентой, а высоким уровнем развития человеческого капитала.

Эхо этого восстания донеслось и до стран, расположенных далеко от эпицентра взрыва энергии протеста. Так, 31 марта 2011 г. телеканал *Euronews* сообщил, что в КНР опасаются «арабской инфекции цветных революций» и что слова, отныне запрещенные там в Интернете: Египет, жасмин, Тунис.

События, разыгравшиеся в Тунисе в конце 2010 г. – начале 2011 г., получили название (говорят, введенное в обиход французской прессой) «жасминной, или жасминовой революции». Название повторное и неудачное, ибо эти события имеют мало общего с вершущим государственным переворотом, который привел к власти новоназначенного премьер-министра Бен Али (7 ноября 1987 г.), свершился за одну ночь и потом был назван в Тунисе «жасминовой революцией» полуофициально для того, чтобы придать демо-

кратическое обличье типичному дворцовому перевороту. (Приложение 1).

В 1987 г. штаб заговорщиков находился в здании МВД (так как премьер являлся по совместительству министром внутренних дел), а 14 января 2011 г. осада многолюдной толпой этого мрачного здания на авеню им. Хабиба Бургибы вынудила президента Бен Али спастись бегством из страны. Следует добавить, что головные отряды двух потоков толпы, слившихся на центральном проспекте Туниса-столицы,

стартовали от штаб-квартиры Всеобщего тунисского союза труда (ВТСТ) и от Дворца правосудия (этот отряд состоял из адвокатов). К толпе, разумеется, примкнули и студенты, и безработная молодежь, и слоняющиеся по улицам подростки.

Лозунги демонстрантов сначала были неопределенными: «Хуррийа!» («Свобода!»), «Каррама!» («Достоинство!»). Когда же они собрались под окнами МВД, тут-то и раздался чей-то выкрик: «Ирхаль Бен Али!», т. е. «Бен Али, уходи!», а точнее «Убирайся вон!». Он и убрался в Саудовскую Аравию...

Взгляд из Москвы

В дискуссиях, которые развернулись среди российских ученых вокруг интересующей нас темы, прозвучали взвешенные оценки, осторожная интерпретация недавних или текущих событий и многовариантные прогнозы.

Сошлемся, в частности, на мнение Л. А. Фридмана, сказавшего: «Нет какого-то одного фактора, который послужил определяющим в том, что уже произошло (в арабских странах – Авт.). Можно говорить лишь о комбинации разных факторов, их критическом сочетании, которое привело к известным результатам».

В свою очередь Л. В. Гевелинг, усомнившийся в том, что слово «революция» (жасминовая или какая-то другая) адекватно отражает характер массовых движений, о которых идет речь, отметил: «Считается, что революция – это качественные изменения к лучшему, движение по линии социального прогресса, решительный разрыв с прошлым. Происходящему в арабских странах пока трудно дать однозначную оценку. Еще сложнее предположить, что социальный взрыв в Северной Африке и на Ближнем Востоке – это прелюдия перехода государственной власти от одного класса к другому. Скорее это низложение элиты контрэлитой, выступившей против несменяемости руководства и многолетней монополизации функций политического управления»².

Что касается Туниса, то здесь возмущение народных масс, спровоцированное самосожжением зеленика Мухаммеда Буазизи в г. Сиди-Бу-Зид, имело четыре основные предпосылки: безработица среди образованной молодежи (проблема особо острая в провинции), диспропорции в уровне развития приморских и внутренних областей страны, всевластие коррумпированной верхушки и тяжелая длань цензуры, которая свела на нет гарантированную Основным законом свободу слова³.

Следует присоединиться и к выводу А. А. Кашиной: «Первые шаги к демократии даются тунисцам с трудом... Вопросы, каким будет государственный строй Туниса <...> какая из политических сил победит, еще долго останутся без ответа»³.

К сожалению, нашлись и такие отечественные эксперты, которые сразу «во всем разобрались», не потрудившись ни проверить те данные, которыми они оперируют, ни заглянуть хотя бы в справочники по тем странам, о которых они рассуждают.

Так, утверждение С. Демиденко и М. Штойк, что студенческие волнения в Тунисе (почему только студенческие?) «финансировались со стороны ряда влиятельных кланов»

и что вообще всю кашу заварил генералы и предприниматели, недовольные захватом ключевых государственных постов и ведущих позиций в бизнесе членами семейства Бен Али⁴, голословно.

В нем верно лишь то, что вокруг президента и его второй жены (в девичестве Лейлы Трабелси) сложилась мафиозная группировка, состоявшая из их родственников или клевретов, и что финансовые аферы «семьи» ущемляли интересы деловых людей, в нее не входивших.

Но какие именно «влиятельные кланы» вовремя для себя «стали на сторону народа», взбунтовавшегося против господства двуединого олигархического клана Бен Али – Трабелси, упомянутые авторы, почерпнувшие всю свою информацию о тунисских делах из одного источника – статьи г-на Быстрова⁵, не назвали.

Зато этот «эксперт», убежденный в том, что «не спонтанные волнения народных масс», а продуманные действия «военной и экономической элиты» страны опрокинули режим Бен Али, все же указал на один такой клан – Маруана Мабрука, женатого на дочери президента от первого брака Сирина, и его двух братьев.

Он пишет, воспроизводя кочующую в Интернете смесь слухов и сведений о реальных фактах, что Маруан «представитель очень знатного и могущественного рода Мабрук, который начал свою деятельность еще во времена французского протектората (к сведению автора: местная знать в те времена не зарождалась, а разорялась. – Авт.). С тех пор этот клан значительно расширил свое участие в различных сегментах тунисского рынка».

Так, братья Мабрук завладели сетями розничных продаж, включая крупные универмаги, и другими разнообразными видами доходной собственности. (Заметим, что и сама Сирин проявляла интерес к бизнесу, владела стопроцентным или контрольным пакетом акций частных радиоканалов и при этом уверяла на голубом глазу, что папа тут ни причем. – Авт.).

Так вот, осенью 2010 г. Маруан якобы решил расстаться с женой и возбудил бракоразводный процесс. А это, по словам А. А. Быстрова, явилось признаком стремления клана Мабрук дистанцироваться от президента, поскольку члены этого клана стали получать

«„тревожные“ сигналы от военной верхушки, руководства спецслужб и представителей бизнес-элиты в отношении общего недовольства политикой клана Трабелси». Поэтому-де «оправданно говорить о заговоре влиятельной части тунисского общества» – заговоре с целью свержения Бен Али.

Здесь можно возразить автору по трем пунктам.

Во-первых, зачем были нужны конфиденциальные предупреждения о недовольстве политикой клана Трабелси, если о хищничестве этого клана судачили в Тунисе даже простые обыватели.

Жадная Лейла прибирала к своим рукам все что душе угодно: могла с легкостью конфисковать в свою пользу и часть национального лесопарка, и приглянувшуюся ей виллу или лакомый кусок земли под какой-нибудь лавчонкой, харчевней, кофейней и т. п.

К тому же еще в 2009 г. увидела свет во Франции доступная в сетях Интернет книга, где все «художества» Лейлы детально описаны. Хотя в Тунисе книга «Хозяйка Карфагена»⁶ была запрещена, многие здесь знали о ее содержании. Словом, вряд ли братья Мабрук оставались в неведении о степени «общего недовольства политикой клана Трабелси» до тех пор, пока им не открыли глаза некие информаторы из военной верхушки, спецслужб и деловых кругов.

Во-вторых, эти братья, пусть и происходившие из «хорошей семьи», обогатились явно благодаря выгодной женитьбе одного из них (а иначе не стать бы ему совладельцем ряда крупных французских компаний)⁷ и, следовательно, сами входили в тунисскую плутократию, внутри которой кипели свои шекспировские страсти.

Так, у Маруана Мабрука были трения на деловой почве с другим зятем президента, нуворишем Сакером аль-Матри, женатым на старшей дочери президента от второго брака Несрина, который к тому же рассматривался, несмотря на свою молодость (ему нет и 30 лет) как вероятный политический преемник тестя.

Прозванный «Золотым мальчиком», он выступал в двух ролях: потенциального «дофина» и придворного умеренного исламиста. Усердно молился пять раз в сутки, открыл религиозно-дидактический частный радиоканал «аз-Зейтуна» (по названию главной соборной мечети Туниса и одноименного богословского университета) и первый в стране исламский банк «аз-Зейтуна», ныне национализированный.

Если Хосни Мубарак прочил себе в наследники своего сына Гамалея, уже опытного бизнесмена и политика, то Бен Али подобной возможности не имел. Отец пяти дочерей, он дождался рождения сына лишь в 2005 г., и примерно в то же время стало известно о плохом состоянии его здоровья (онкологическое заболевание). Тогда-то его супруга почти полностью взяла бразды правления в свои руки.

Хотя готовилось переизбрание Бен Али в 2014 г. (сотни граждан осенью 2010 г. обратились к нему, якобы по собственному почину, с просьбой вновь баллотироваться на высший государственный пост), существовали «запасные» варианты: свою кандидатуру в президенты выставят либо сама Лейла, либо Сакер аль-Матри.

Конституция Туниса не указывала, что женщине возбраняется быть главой государства, но ограничивала нижний предел возраста кандидата на этот пост сорока годами. Однако изменили же в Сирии аналогичное положение конституции ради избрания 34-летнего Башара Асада после смерти его отца – президента Хафеза Асада (1970–2000 гг.); то же самое могли сделать и в Тунисе. Простой здравый смысл подсказывает, что оба варианта, чреватые отлучением братьев Мабрук от «семьи», им не улыбались. Вероятно, это и подтолкнуло их к «переходу в оппозицию».

В-третьих, нет никаких достоверных фактов, подтверждающих версию, согласно которой генералы, вступившие в сговор с некоторыми бизнесменами, подготовили переворот, поспе-

шив с его реализацией в благоприятно сложившейся обстановке. Известно, что тунисская армия отказалась стрелять в демонстрантов. Стреляли одетые в черное спецназовцы – служащие Бригады общественного порядка (БОП) и пока еще не идентифицированные снайперы, засевшие на крышах домов тунисской столицы.

Более того, пополудни 14 января, когда разгневанная толпа уже окружила здание МВД, к президенту во дворец явился начштаба сухопутных войск генерал Рашид Аммар, который сказал без обиняков хозяину Карфагенского дворца: «С тобой все кончено!» Но разве отсюда вытекает напрямую, что этот генерал, чья роль в январских событиях ясна не до конца, действовал в интересах какой-то «влиятельной части тунисского общества»?

Наверное тунисское офицерство, которое вообще недолго любило генерала Бен Али, сделавшего свою карьеру – прежде чем он попал в правительство и снял с себя погоны, – как начальник службы армейской безопасности и (дважды) Службы национальной безопасности, негативно относилось к его деятельности в президентском кресле. (*Приложение 2*).

Вместе с тем обращает на себя внимание то, что генерал Аммар в одиночку и безоружно сдерживал агрессивную толпу демонстрантов, которые в конце января 2011 г. требовали на площади Касбы роспуска переходного правительства, считая, что в нем слишком много старорежимных министров*. А после формирования 7 марта третьего переходного правительства генерал Аммар доложил премьеру Кaidu ас-Себи, что армия уходит в казармы. Где же тут признаки военного переворота?

* Первое и второе такие правительства, действовавшие в общей сложности 40 дней, возглавлял пожилой и бесцветный Мухаммед аль-Ганнуши, который ранее занимал пост премьер-министра 11 лет подряд.

Наконец, нельзя не отметить, что статья А. А. Быстрова изобилует фактическими ошибками.

Так, касаясь фигуры Бельхасена Трабелси, брата бывшей первой леди страны, автор сначала перечисляет те холдинги, торговые фирмы и банки, которыми владел единолично или на правах акционера этот оборотистый делец (после «революции» взятый под арест), а потом сообщает о нем нечто удивительное.

«Одновременно он контролировал профсоюзы страны через позиции своей жены Зух-

ры Джелани. Отец последней, Хеди Джелани, возглавлял крупнейший профсоюз Туниса – Тунисский союз транспортников, торговли и ремесел...». Что же это за профсоюз? Такого не было и в помине.

С середины XX в. существует Тунисский союз торговли, промышленности и ремесла – организация патроната, и в последние годы ее действительно возглавлял Хеди Джелани. Если верить Быстрову, то выходит, что этот бизнесмен руководил «профсоюзом предпринимателей»*.

Взгляд из Туниса

Внешним наблюдателям приходится гадать о том, из кого состоит контроллит, восставшая против арабских диктаторов или готовая пожать плоды «революций». Но к Тунису это относится, пожалуй, в наименьшей степени. Волнения там улеглись, случаются лишь их локальные вспышки, правительство, состоящее из «технократов», попало в умелые руки, относительно крупные политические партии, претендующие на представительство в Учредительном собрании, обнародовали свои программы, проводят открытые митинги с целью привлечь к себе потенциальных избирателей. Как правило, соответствующая информация распространяется в Интернете.

Кроме того, энтузиасты *Facebook* открывают все новые и новые персональные сайты. Базировавшийся ранее в Голландии (теперь – в Тунисе) сайт *Nawaaf* позволяет посмотреть на экране компьютера репортажи с политических митингов, публикует аналитические статьи на злобу дня и комментарии к ним обычных граждан.

Тем не менее живой разговор с людьми проливает свет на некото-

рые детали, не попавшие во всемирную паутину. Поэтому для изучения ситуации на месте автор строк и ее коллега-арабист, кандидат исторических наук Василий Кузнецов отправились в июне с. г. в Тунис, где побеседовали с десятками компетентных лиц, в том числе с руководителями и активистами ряда политических партий.

Кстати, тунисцы, с которыми мы встречались, скептически относятся к версии о заговоре генералов и бизнесменов как движущей силе «революции 14 января» (считая, что если он и был, то лишь на гребне волны «революционного кризиса»); и некоторые предпочитают называть ее «восстанием». Они подтвердили то мнение, которое у нас, да и не только у нас, сложилось заранее, что движение протеста в Тунисе шло снизу, не имея ни тайных организаторов, ни явственных лидеров, и что с самого начала волнений политические требования довели над социально-экономическими.

* Не стоило бы, конечно, вступать в заочную полемику с автором, если бы его статья не была размещена на сайте солидного учреждения, Института Ближнего Востока, а скоропалительные и беспопыточные выводы – растиражированы в других научных изданиях.

Один из наших собеседников, член правительства (госсекретарь по вопросам образования) Хасан Аннаби сказал, что с осени 2010 г. висело в воздухе ожидание верхушечного переворота, но внезапно случилось иное. При этом ни он, ни его жена – преподаватель вуза и активная участница подготовки избирательной кампании, ни кто-либо другой из представителей университетской профессуры, с которыми мы общались, не говорил, что студенческие волнения, едва не сорвавшие учебный процесс, кем-то оплачивались.

Другое дело, что некоторые предприниматели, недовольные «старым режимом», поддержали (например, в г. Сфакс) массовые демонстрации, а затем стали предлагать свое спонсорство тем или иным партиям, в том числе левым, если считали их перспективными игроками на политической сцене при «новом режиме», когда он сформируется. Но речь идет об отдельных предпринимателях или их группах, а не о кланах, которые по идее должны быть горизонтально разветвленными и вертикально структурированными, т. е. иметь свою клиентелу и более или менее прочные связи в политических кругах.

Прежде чем охарактеризовать те партии или их коалиции, что стремятся и могут повлиять на формирование будущей политической системы Туниса, остановимся на фигуре премьер-министра Бежи Каида ас-Себси.

Этот в прошлом видный политический деятель давно уже находился не у дел и, можно сказать, «был вытасчен из архива». Говорят, что по инициативе временно исполняющего обязанности президента Фуада Мебазаа (на момент бегства Бен Али председателя палаты депутатов), который держится в тени, хотя парламент наделил его полномочием издавать декреты, имеющие силу закона.

Бежи Каид ас-Себси (род. в 1926 г.), появившийся на свет в столичном предместье Сиди-Бу-Саид, происходил по отцовской линии из нобилей. Его прадед, мамлюк родом из Ге-

нуи, вероятно, попавший в Тунис пленником пиратов, подвизался в каидах (губернаторах), а дед был амином (старостой) престижного, но захиревшего под наплывом иностранной фабричной продукции цеха *шауаши* – изготовителей фесок.

Отец жил на доходы от двух земельных участков, находившихся под г. Матир, что неподалеку от столицы; он умер, когда Бежи, первенцу, не было десяти лет, и его мать с тех пор одна воспитывала своих сыновей.

Судя по всему, семейство, к которому она принадлежала до замужества, было «неаристократическим», ибо обрелась в народном квартале Бэб Суика. Многие ее родственники по фамилии Бен Джаафар, были активистами национального движения, а молочный брат Махмуд аль-Матри – первым председателем «Нового Дуствра» (1934–1937 гг.). Этого врача, начавшего свою политическую жизнь в левых кругах Франции, а на родине снискавшего народную любовь, ибо бесплатно лечил бедняков, и действовавшего с 1938 г. как независимый националист⁹, Бежи Каид ас-Себси хорошо знал и считал своим родным дядей. Бежи Каид ас-Себси окончил юридический факультет Сорбонны, в 1952 г. занялся адвокатской практикой, но ненадолго. Приглашенный на должность атташе кабинета премьер-министра (апрель 1956 г.), он потом многие годы провел в коридорах власти. С 1963 г. занимал последовательно посты директора Службы национальной безопасности, министра внутренних дел и министра обороны. В 1971 г., будучи послом во Франции, примкнул к фракции «либералов» в ЦК СДП и попал в опалу, принял участие в создании полулегальной оппозиционной партии Движение демократов-социалистов (ДДС), основанной в 1978 г.; затем вернулся в ряды СДП и стал министром иностранных дел (1981–1986 гг.).

Падение Бургибы застало его послом в ФРГ; в 1989–1994 гг. он был членом палаты депутатов; в 1990–1991 гг. – ее председателем. Сложив свои депутатские полномочия по истечении срока, он отошел от политики, писал мемуары и лишь время от времени надевал адвокатскую мантию: выступал в апелляционном суде по арбитражным делам¹⁰.

Получив 27 февраля 2011 г. назначение на премьерский пост, Бежи Ка-

ид ас-Севси не пригласил в свой кабинет ни одного экс-министра эпохи Бен Али и взял обязательство со всех согласившихся в него войти не выдвигать свои кандидатуры ни в депутаты Учредительного собрания, ни в президенты республики. Поэтому два члена предыдущих переходных правительств сами подали в отставку, так как они намерены побороться за президентское кресло. Это Ахмед Ибрахим (Брахим), первый секретарь движения «ат-Таждид», т. е. «Обновление» (бывшая Тунисская компартия), и Ахмед Нежиб Шебби, основатель Демократической прогрессивной партии (ДПП), который остается ее лидером, хотя еще в 2006 г. уступил место генерального секретаря своей соратнице Майе Джриби.

Среди первых шагов правительства Каида ас-Севси, положительно встреченных публикой, был роспуск «политической полиции» – сети платных агентов, существование которой восходит к началу 60-х годов, но доселе отрицалось тунисскими властями, и ликвидация управления госбезопасности – особого отдела министерства внутренних дел.

Сообщив 7 марта 2011 г. об этом решении на своем сайте, МВД подчеркнуло, что впредь оно будет работать, «соблюдая закон, уважая гражданские права и свободы»¹¹.

Между тем еще 6 февраля 2011 г. под давлением «улицы» деятельность бывшей правящей партии Демократическое конституционное объединение (ДКО) – прямой наследницы СДП была приостановлена, ее помещения закрыты, а 9 марта эту партию, насчитывавшую 2,5 млн членов, распустили в судебном порядке. В том же месяце начался бурный процесс образования новых партий, изрядная часть которых отпочковалась от старых. Как результат, к 20 июня 2011 г. в Тунисе насчитывалось 95 легальных партий. По

состоянию на 15 июля их количество перевалило за сотню (еще 30 партий «стояли на листе ожидания», а 145 получили отказ в регистрации). Это – против девяти дореволюционных легальных партий, шесть из которых имели своих представителей в палате депутатов. (Приложение 3).

Надо сказать, что действие Конституции Туниса (1959 г.), впоследствии неоднократно модифицированной, было приостановлено в связи с решением сформировать Учредительное собрание, которое должно принять новую конституцию. Закон же «Об организации политических партий» от 1988 г. остался в силе (вопрос о его пересмотре был поднят в июне 2011 г., но отложен); им-то и руководствовалось МВД, правда, допуская некоторые нарушения при регистрации новообразованных партий или дореволюционных, но нелегальных.

Таких, например, как Коммунистическая партия тунисских рабочих (КПТР) и отколовшаяся от нее Левая социалистическая партия.

Этот закон гласит, что «политическая партия не может опираться в принципах своей деятельности и программах на религию, язык, расовую, половую или региональную принадлежность» и что приему в нее «не подлежат лица на действительной военной службе, сотрудники сил безопасности в генеральском звании и судьи». Закон не оговаривал численности партии, подавшей заявку на регистрацию.

Как рассказали нам – без всякого юмора – тунисцы, даже два-три человека, собравшиеся за столиком кафе, могут подать такую заявку. И действительно, в формирующейся партийной системе Туниса преобладают карликовые партии, у которых нет ничего, кроме названия и общедемократических деклараций в их лозунгах.

Названия подавляющего большинства новых партий отличаются унылым сходством: Партия достоинства и равенства, Партия досто-

инства и развития, Партия справедливости и равенства, Партия справедливости и свободы... Лишь в тридцатке партий, ожидавших регистрации в середине июля, нашлись две оригинальные: Партия любителей лапты под началом Фатьмы Уерги (вероятно физкультурницы) и Тунисская пиратская партия во главе с Салах ад-Дином Кшуком (уж не потомок ли это адмирала Кшука, или Кючюка – одного из предводителей каперского флота Туниса османских времен?).

Функции «промежуточной» законодательной ветви власти, заменившей собой двухпалатный (с 2005 г.) парламент, который в январе и начале февраля 2011 г. еще работал, взяла на себя Высшая инстанция по реализации целей революции, политической реформе и демократическому транзиту. Неофициально ее называют кратко: Высшая инстанция.

Ее предшественниками были Комитет по защите революции и Высшая комиссия по политической реформе – группа юристов во главе с профессором права Ийазом Бен Ашуром, которая, до того как было принято иное решение, разрабатывала предложения по модификации старой конституции.

В учрежденную 15 марта 2011 г. Высшую инстанцию, численность которой колеблется (ныне около 150 членов), вошли родители «шахидов революции», в том числе мать Мухаммеда Буазизи, представители 12 политических партий, ряда общественных организаций, включая ВТСТ, и отдельные авторитетные лица.

Это, например, известный специалист по истории тунисского национального движения, ныне пенсионер Али Махжуби, профессор кафедры философии Абд аль-Азиз Шарфи – автор книги «Исламская мысль» (Тунис, 2006 г.), доцент Абд аль-Хамид Ларгеш – исследователь истории тунисских маргинальных слоев.

Все декреты-законы и. о. президента проходят через предварительное рассмотрение Высшей инстанции.

Очевидно различие между Тунисом с его традицией гражданского управления, заложенной Хабибом Бургибой, и Египтом, где роль «высшей ин-

станции» узурпировал в феврале 2011 г. Высший совет военного командования, состоящий из офицеров в звании от генеральского до фельдмаршальского. Чем-то этот орган во главе с министром обороны Мухаммедом Хусейном Тантауи напоминает Совет руководства революцией (СРР), созданный в Египте после военного переворота 1952 г. Многие предсказывали, и не ошиблись, что рано или поздно армия АРЕ, одна из крупнейших на Ближнем Востоке, «скажет свое слово». Подобные предсказания в отношении Туниса не оправдались.

Его смешанная по своему составу Высшая инстанция, которую называют еще и «мини-парламентом», подготовила новый закон о выборах (обнародован 20 мая 2011 г.). Основанный на пропорциональной избирательной системе, он должен позволить даже слабым партиям провести своих представителей в Учредительное собрание из 218 депутатов, 199 из которых будут представлять местные избирательные округа и 19 – тунисскую диаспору, сосредоточенную главным образом во Франции.

Та же инстанция настояла на том, чтобы выборы в это собрание, первоначально назначенные на 24 июля 2011 г., были перенесены на октябрь. Данное решение мотивировалось тем, что составление списков избирателей, возложенное на независимый орган (раньше этим занимались МВД и губернские власти), требует довольно продолжительной работы. Однако его скрытая идея, которую не трудно было угадать, заключалась в том, чтобы, во-первых, дать возможность светским партиям развернуть свою агитацию и, во-вторых, переждать время, когда симпатии весомой части потенциального электората качнутся в сторону исламистов. Они не были вождями «рево-

люции» и лишь с февраля стали набиваться в ее погучики, но как жертвы многолетних репрессий вызывают сочувствие даже у граждан, придерживающихся светского образа жизни.

По существующим оценкам, самая влиятельная из девяти легализованных к середине лета 2011 г. исламистских партий, а это партия «Нахда», т. е. «Возрождение» (нынешнее официальное название: движение «ан-Нахда»), может собрать от 15 до 30% голосов. В любом случае она составит вместе со своими союзниками – депутатами от других идейно близких к ней организаций – крупную парламентскую фракцию. Тем более что по тактическим соображениям на мельницу «Нахды» льют воду некоторые светские партии.

В частности, это относится к партии Конгресс за республику, основанной в 2001 г. правозащитником Монсефом Марзуки, который был вынужден эмигрировать и последние годы провел в Париже, где работал неврологом.

В этой малочисленной партии, действовавшей скорее во Франции, чем в Тунисе, сотрудничали деятели самой пестрой политической палитры: ультралевые и бывшие члены ДДС, «разочаровавшиеся исламисты» и поборники арабского национализма.

Вернувшись в Тунис в январе 2011 г., Марзуки сразу заявил о своем желании стать президентом, но встречен был холодно. Толпа на площади Касбы его освистала и чуть не побила. Следом он, почти не известный тем, кто не посещал сайт www.monsefmarzouki.net, стал прихвостнем «Нахды».

7 июня 2011 г. должна была состояться его пресс-конференция, на которую он не явился. Выступал второй человек в партии, говоривший типичным «языком исламиста».

Феномен политизации ислама восходит в Тунисе к 1970 г., когда здесь сложилось ядро Исламской группы, которая через 11 лет переименовалась в Движение исламской направленности (ДИН) и подала заявку на регистрацию.

В канун парламентских выборов 1989 г. ДИН приняло нейтральное название «Нахда». Но поскольку этой партии, которая тогда насчитывала 8–10 тыс. членов, прошедших три стадии «посвящения» (подобие кандидатского стажа)¹², было вторично отказано в регистрации, ее выдвиженцы баллотировались по спискам независимых и собрали, по наиболее правдоподобной оценке, около 15% голосов.

С начала 90-х годов тунисские власти, чтобы создать в их лице противовес левому студенческому движению, отказались от этой тактики. Приверженцы «Нахды» подверглись репрессиям (аресты, тюрьмы, пытки), в связи с чем она перенесла свой центр в Лондон, где обосновался и ее отец-основатель Рашид аль-Ганнуши (однофамилец нынешнего экс-премьера).

Уроженец оазиса эль-Хамма, выходец из крестьянской семьи, он получил среднее образование в ликвидированной на рубеже 50-х – 60-х годов школьной системе «аз-Зейтуны», а высшее, философское, в Дамасском университете (1964–1968 гг.).

После недолгого пребывания в Париже, где окончательно оформились его взгляды как исламиста, Рашид аль-Ганнуши устроился на работу в лицей Туниса-столицы, за свою политическую деятельность неоднократно попадал в тюрьму, а в мае 1989 г. эмигрировал.

Вернувшись на родину 30 января 2011 г., он заявил, что идеалом «Нахды» служит турецкая Партия справедливости и развития, по стопам которой намерены следовать умеренные тунисские исламисты, и что сам он не метит в президенты, т. к. надо уступать место молодым. Но затем этот 70-летний деятель, сменивший цивильный костюм, в котором он приехал, на одеяние мусульманского шейха, обнаружил завидную энергию. Стал появляться на телеэкранах то смиренно молящимся в мечети, то во время беседы с журналистами в собственной квартире, обставленной с шиком, – под стать дворцу какого-нибудь эмира или шейха страны Персидского залива.

Легализованная 1 марта, его партия открыла свою штаб-квартиру в престижном «европейском» квартале *Monfleuri*, где заняла роскошный особняк, а 6 июня провела многолюдный митинг, приуроченный к 30-й годовщине

основания ДИН, который состоялся в зале еще более престижного микрорайона, сравнительно недавно возведенного на берегу Тунисского озера.

И это было не единственное мероприятие, посвященное юбилейной дате. Одно из них прошло в Муниципальном театре, где в позолоченной президентской ложе восседали Рашид аль-Ганнуши и его бывший сподвижник Абд аль-Фаттах Муру – соучредитель Исламской группы, а затем генеральный секретарь «Нахды».

В феврале 1991 г. он заморозил свое членство в ней и заявил, что готов создать новую партию, в которой Рашиду аль-Ганнуши (председателю «Нахды») отводилось бы рядовое место. Потом 20 лет мирно занимался адвокатской практикой, объявив, что навсегда отошел от политики, но пересмотрел это решение и, в свою очередь, сменил брючную пару на мусульманское платье. Правда, его обновленный союз с аль-Ганнуши был мимолетным: не желая быть лицом № 2 в руководстве партии, Муру вскоре сказал в интервью газете «Аш-Шурук» («Восход»), что выбрал позицию независимого исламиста¹³.

По слухам, «Нахда» получает финансовые вливания из Саудовской Аравии, а также из Катара – от сбежавшего туда Сакера аль-Матри. Любые слухи нуждаются в проверке, но с большой долей вероятности можно предположить, что тунисские исламисты разных мастей перессорятся из-за денег. А вот что является фактом, так это наличие у «Нахды» соперников на ее же идеологическом фланге.

Это, например, салафиты – поборники буквального следования обычаям «праведных предков», т. е. мусульманской общины времен пророка Мухаммеда. Они считают Рашида аль-Ганнуши с его умеренным исламизмом не лишенным элементов модернизма «предателем»; захватили под свой контроль ряд мечетей Туниса – одну в самом сердце столицы.

Это также Хизб ат-Тахрир, которую здесь считают политической вывеской

салафитов и частью их международной сети (Хизб ат-Тахрир аль-исламий в РФ и других странах ШОС занесена в список экстремистских организаций), Исламская партия арабского единства, Тунисская суннитская партия и им подобные, чьи заявки на регистрацию были отклонены.

Другие же получившие путевку в жизнь исламистские партии Туниса, конкурирующие с «Нахдой», являются в основном ее эманацией. Приведем для примера Партию прогрессистов-консерваторов (sic!), основанную Мухаммедом аль-Хашми Хамди, который возглавлял студенческое крыло ДИН/Нахды, за что в начале 1987 г. получил заочный приговор к 20 годам лишения свободы.

Живя в Лондоне, он разошелся с руководством «Нахды», опубликовал солидный труд, посвященный ее истории¹⁴, издавал журнал «The Diplomat», ратующий за межкультурное взаимодействие, и общерабскую газету «Аль-Мустакилля» («Независимая»), открыл одноименный с ней спутниковый телеканал.

Наверное, его партия, легализованная 15 июля 2011 г., имеет больше оснований, чем «Нахда», претендовать на амплу умеренно исламистской, хотя об этом еще рано судить.

Столь же неясно, какую позицию по отношению к исламистам займет Тунисская партия труда, которая, по сути, является дочерней организацией ВТСТ (идея его превращения в лейбористскую партию или создания таковой при нем витала давно и наконец осуществилась после «революции»). Но этот мощный профцентр, основанный в 1946 г. и ныне насчитывающий около 500 тыс. членов, играет двусмысленную роль. Базовые структуры ВТСТ почти сразу и почти везде поддержали массовые народные выступления, а верхушке пришлось «тянуться за базой». Особо подозрительным выглядело то, что на митинге «Нахды» (апрель

2011 г.) в крупном портово-промышленном г. Сфакс («южной экономической столице» страны), фигурировал генеральный секретарь местного отделения ВТСТ. Ожидают, что на чрезвычайном съезде этого профцентра будет избрано его новое руководство вместо нынешнего, большинство членов которого засиделось в своих удобных креслах, но съезд состоится только в декабре.

Некоторые возникшие недавно в Тунисе партии заявляют о своей правопроцентристской ориентации, но по общему мнению всех классических правых партий в этой стране нет. Разве что одна – Социально-либеральная партия (СЛП), которая четко сформулировала еще при своем создании (1988 г.) либеральную экономическую концепцию, выступая за рыночные реформы и приватизацию госсектора. Имевшая своих представителей в палате депутатов трех последних созывов, она подобострастно поддерживала Бен Али, провозглашая панегирики «спасителю отечества», «герою 7 ноября» накануне каждого его переизбрания, что не сулит ей ныне популярности.

Последнее относится и к Движению демократов-социалистов, которое в 80-е годы пользовалось репутацией правобуржуазной партии, что давно уже забылось. Погрязшее после его провала на парламентских выборах 1989 г. во внутренних распрях, ДДС вновь раскололось весной 2011 г. в борьбе не за идеи, а за помещение своей штаб-квартиры.

По данным интернет-изданий и нашим изустным источникам, от 15 до 20 новоявленных партий Туниса возникли на руинах ДКО. Это, в частности, Партия инициативы во главе с бывшим министром иностранных дел Камелем Морджаном, а также партия с ностальгическим названием «Новый

Дустур» и ее «сестра-близнец» Тунисская демократическая либерально-конституционная партия, возглавленная 84-летним Абд аль-Маждидом Шакером, административным директором «исторического» «Нового Дустура» (1956–1964 гг.). Ему, сдавшему портфель министра информации еще в 1966 г. и перешедшему тогда на дипломатическую работу, может быть, и удастся пройти в депутаты Учредительного собрания, но не Морджану, так как видные партийно-правительственные деятели последних десяти предреволюционных лет лишены пассивного избирательного права.

Таким образом, специфика политической ситуации в современном Тунисе заключается в том, что основная линия водораздела проходит здесь между левыми силами и расправившей крылья «Нахдой». Главным ее антагонистом является Демократический модернистский полюс, инициатором создания которого выступило движение «ат-Таждид».

На пороге 2000-х годов эта партия, хотя и представленная в парламенте, ослабла, отчасти потому, что ее покинули активисты, «уставшие» от многолетнего руководства Мухаммеда Хармея. Он возглавлял ТКП, а затем Движение «ат-Таждид» с 1981 г. Вместо него в 2007 г. был избран 60-летний профессор на пенсии Ахмед Ибрахим, и с тех пор партия пошла на подъем; ныне она насчитывает 2–3 тыс. членов. Это и вернувшиеся в ее ряды ветераны, и новые яркие лица. Такие, как бывший член международного исполкома организации *Amnesty International*, являвшийся несколько лет его председателем, – профессор-экономист Махмуд Бен Ромдан, включенный в секретариат движения «ат-Таждид».

В апреле 2011 г. оно сообщило, что на призыв создать Демократический

модернистский фронт (позже названный «Полусом»), откликнулись Саадун Эмерли – первый председатель Тунисской лиги за права человека, учрежденной 7 мая 1977 г., декан социологического факультета Абд аль-Кадер Згаль и многие другие деятели науки и культуры.

«Необходимо срочно создать фронт, – отмечалось в передовице центрального печатного органа движения „ат-Тажид“, – объединяющий демократические политические партии, ассоциации, художников и артистов, интеллектуалов <...> Он должен незамедлительно развернуть работу во всех регионах <...> и особенно в народных кварталах <...> Нам нужна новая конституция... исключающая использование религии в партийных целях»¹⁵.

Мы побывали 18 июня 2011 г. на состоявшемся во Дворце конгрессов собрании участников и сторонников «полюса», представлявшего собой к тому дню альянс девяти левых партий.

Сколько людей явилось на это собрание, трудно сказать. Кто-то сидел или стоял в переполненном зале, кто-то бродил в холле или во дворе здания, ранее служившего местом съездов ДКО и других его торжественных мероприятий. Одни люди приходили, другие уходили, но, в общем, их было не менее двух тысяч (не считая детей и подростков).

Правду сказать, лиц, похожих на пролетариев или жителей народных кварталов, среди них нам не встретилось, то были явные представители интеллигенции, как партийной, так и беспартийной.

В числе присутствовавших упомянем внука скончавшегося 6 апреля 2000 г. экс-президента Хабиба Бургибы – частнопрактикующего врача Муизза Бургибу.

С ним мы познакомились двумя днями раньше, и, к нашему удивлению, первое, что он сказал, так это то, что единственная партия, которой он доверяет, – движение «ат-Тажид», и вручил нам брошюру с ее программой. Пришлось поблагодарить, хотя мы уже получили десяток ее экземпляров в штаб-квартире.

Муизза Бургиба живет в приморском столичном предместье Ла-Марса, на красивой вилле с цветником, которая, впрочем, не намного отличается от городского особняка «простого профессора». Когда опальный экс-президент умер, местная публика была поражена тем, что он ничего не имел в личной собственности, кроме одноэтажного домика в г. Монастире, построенного его отцом почти 100 лет назад, и оливковой рощицы, тоже отцовской. Сын и внуки Хабиба Бургибы не оказались богатыми наследниками. Это послужило дополнительным раздражителем против насковзь коррумпированного семейства Бен Али – Трабелси.

Заметим, что в Демократический модернистский полюс вошла Левая социалистическая партия, легализованная еще 17 января 2011 г. (лидер – Мухаммед Килани), но за его бортом осталась ультралевая КПТР, которая получила регистрацию 18 марта и ведет собственную, пока еще неофициальную избирательную кампанию. Открыто объявлявшая себя с момента ее создания (начало 80-х годов) марксистско-ленинской и атеистической, эта партия вряд ли имеет шансы на большой успех. Лет десять тому назад КПТР насчитывала всего полсотни активистов, главным образом студентов и вузовских преподавателей¹², но пользовалась международным авторитетом, особенно в кругах правозащитников, благодаря энергичной деятельности ее лидера-основателя Хаммы Хаммами и его супруги, адвоката Радии Насрауи. Возможно, КПТР несколько расширила свою социальную базу благодаря тому, что 25 февраля 2011 г. поддержала манифестантов, требовавших отставки второго тунисского переходного правительства; с движением «ат-Тажид» она враждует. А ведя агитацию в провинции, слово «коммунистическая» в своем названии опускает, ибо оно само по себе ассоциируется в сознании «среднего тунисца» с атеизмом.

Не вошла в «Полюс» и Демократическая прогрессивная партия (ДПП), основатель которой Ахмед Нежиб Шебби, чаще упоминаемый как Нежиб Шебби (или Шабби), имеет президентские амбиции. Он заявляет, что готов сотрудничать с движением «ат-Таждид», но только после выборов в Учредительное собрание, которые покажут, какая партия приобрела наибольший политический вес.

Биография этого человека – сплошные зигзаги.

Он родился в 1944 г. в семье преуспевающего столичного адвоката и пошел по стопам отца, хотя два года проучился на врача. Еще студентом попал под суд (1968 г.) как ба-асист. В тюрьме примкнул к основанной в 1963 г. левацкой группе «Перспективы», в руководстве которой к тому времени взяли верх поклонники маоизма, и 20 марта 1970 г. был освобожден по амнистии. Вскоре, ускользнув из-под полицейского надзора, бежал во Францию, где был кооптирован в парижский Временный оргкомитет «Перспектив».

Там же он опубликовал статью (1974 г.), в которой применил сталинское определение признаков нации (общность языка, территории, экономики, культуры) к понятию «арабская нация» и сделал вывод, что светоч ее будущего – общеарабская революция с авангардом в лице сражающегося за свою свободу палестинского народа. Эта гремучая смесь арабского национализма и сталинизма была воспринята ветеранами группы «Перспективы» как «путч», ибо они, критикуя на все лады «диктатора» Бургибу, разделяли его точку зрения, согласно которой есть разные арабские нации: тунисская, алжирская, сирийская и т. д.

Поспособствовал развалу этой группы, которая летом 1975 г. прекратила свое существование, Нежиб Шебби в числе десятка «путчистов» прошел боевую подготовку в одном из ливанских лагерей Народного фронта за освобождение Палестины (радикальной организации под началом Жоржа Хабаша). Но при этом руководствовался, по словам другого бывшего бойца-стажера этого лагеря, желанием не

столько бороться за свои идеи с оружием в руках, сколько «совершить паломничество в „святые места“ революции»¹⁶.

Тем временем в Тунисе дважды, в 1974 и 1975 гг., были открытые судебные процессы по делу подпольной оппозиционной группы, вышедшей из лона «Перспектив». Она сложилась вокруг газеты «Аль-амиль ат-туниси» («Тунисский рабочий») и называлась идентично. В нее вошли, в частности, Хамма Хаммами и Мухаммед Килани, отличившийся тем, что по молодости лет бессмысленно стрелял в конного полицейского, объезжавшего столичный парк Бельведер. На обоих процессах Нежиб Шебби, считавшийся идеологом «Тунисского рабочего», был судим заочно, но после амнистии 1980 г., распространившейся на членов этой группы, вернулся на родину, где в 1983 г. основал партию Прогрессивное социалистическое объединение (ПСО). Она заявила о своем отказе от «догматического марксизма» и была легализована через пять лет.

Однако в 1989 г. разразился скандал.

Нежиб Шебби принялся критиковать с позиций защитника арабо-исламских ценностей реформы Мухаммеда Шарфи – нового министра образования (кстати, соучредителя группы «Перспективы», обогатившегося без увлечения маоизмом), постаравшегося вырвать хотя бы среднюю школу из-под влияния исламистов, которые еще чувствовали себя «в седле». Изменил ее программу, увеличил количество уроков французского языка, изъясил из обращения учебники, пронизанные исламистским духом. Светская интеллигенция Туниса насмеялась над «недогматическим марксизмом», прозвав его Неджибуллой Шебби, карикатуристы изображали его пресмыкающимся перед исламистами.

Свое недовольство существующим режимом он стал выражать с 1991 г., т. е. вслед за тем, как тунисские власти взяли курс на истребление исламистов. На парламентских выборах его партия, переименованная в июне 2001 г. в ДПП, каждый раз терпела поражение, а сам он безуспешно выставлял свою кандидатуру на участие в президентских выборах (которую заранее отклоняли по ряду формальных причин).

Нежиб Шебби неоднократно объявлял длительные голодовки протеста, чем привлек вни-

мание общественности к своей фигуре, а в 2005 г. выступил инициатором создания Комитета 18 октября (так назван в честь начала коллективной голодовки группы оппозиционеров), который состоял из представителей ДПП и некоторых других светских партий, а также... «Нахды». Причем с Рашидом аль-Ганнуши он встречался еще летом 2004 г. (дважды) в Лондоне, а в конце 2005 г. – на хадже в Мекке и говорил, что настало время «интегрировать интегривов» («интегривизм» – синоним термина «исламизм», бытующий во Франции и странах Магриба). Такого мнения он придерживался и в дальнейшем.

После «революции» недавние союзники – «Нахда» и ДПП – стали злейшими врагами. При этом вожди обеих партий были крайне недовольны отсрочкой выборов в Учредительное собрание, ибо понимали, что теряют выгодный для себя момент. Тогда же или раньше ДПП сочла, что настало время «интегрировать» бывших членов ДКО – тех, кто не занимал раньше руководящих постов. Зачем? Вероятно, ради денег.

Как ехидно сказал один из наших собеседников, у некоторых бывших членов ДКО тугой кошелек, но они говорят лидерам ДПП: «Завоюйте для нас народные кварталы», – а это ей не по плечу.

Судя по данным о членах политбюро ДПП, избранных в 2006 г. на ее последнем съезде, большинство из них составляют лица свободных профессий, есть преподаватели лицеев или вузов, один врач, один банкир. В общем, публика в основном интеллигентская. Наши попытки узнать, какова сейчас примерная численность ДПП, потерпели фиаско.

Один молодой активист этой партии, аспирант-политолог, сказал, что от 8 до 30 тыс. (это слишком большая вилка). Он же подчеркнул: «Мы открыто говорим, что деловые люди участвуют в финансировании ДПП, но решили, что их вклад не должен превышать 50 % расходов на нашу избирательную кампанию». А дальше, мол, посмотрим...

По всей видимости, кто-то щедро раскошелился и на поддержку Народного движения, которое 11 июня 2011 г. устроило свою пресс-конференцию в дорогом отеле «Африка», арендовав не только обширное помещение для работы, но и банкетный зал для фуршета с официантами. Народное движение – партия арабских националистов, ностальгирующих по временам Гамаль Абдель Насера, о чем можно догадаться, взглянув на ее эмблему. Это словно слетевший с египетского герба орел, на груди которого красуется географическая карта-схема всего арабского мира, окрашенная в зеленый цвет.

Мероприятие началось с того, что большинство присутствующих скандировало стоя: «Народ хочет освобождения Палестины!» Потом все речи ораторов вращались вокруг одной идеи: надо построить в Тунисе «справедливое» демократическое и социалистическое общество с «экономикой без эксплуатации» и с опорой на внутренние ресурсы.

В ответах на вопросы журналистов прозвучала такая фраза: «Тунис – земля исламская, земля арабская». Отсюда, нам показалось, всего один шаг до исламизма.

Так думает и адвокат Ахмед Седдик, который нас принял в своем кабинете скромной штаб-квартиры партии баасистского толка «ат-Талиа» («Авангард»), действовавшей подпольно при режиме Бен Али и легализованной 18 марта 2011 г.

По его словам, Народное движение пропагандирует арабский национализм с сильным религиозным оттенком. «Мы тоже считаем, – добавил он, – что ислам важен, но не делаем на нем акцент. Наша партия исходит из того, что вера является персональным делом каждого человека, и ратует за создание светского государства с парламентской системой».

Между тем 22 июня 2011 г. адвокат Нуреддин Бхири, член Высшей инстанции от движения «ан-Нахда», вышел из нее под тем предлогом, что один представитель – слишком мало для круп-

ной партии. Следом «Нахда» поставила под вопрос саму легитимность данного органа, выдвинув еще более благовидную мотивацию его бойкота (позже и Конгресс за республику, сателлит «Нахды», отозвал своих представителей из Высшей инстанции). Истинная же причина этого шага, должно быть, крылась в том, что одним своим голосом Бхири не мог сорвать начатую Высшей инстанцией работу над текстом «Республиканского пакта»*, подразумевающего, в частности, отделение религии от политики. (Но не от государства, ибо в таком случае – при отсутствии в суннитском исламе структуры, тождественной клиру и церковной иерархии, – могут расплодиться сотни «независимых» имамов: самостийных или де-факто назначенных какой-нибудь исламистской партией).

Интересно, что ранее «Нахда» одобрила предложение (которое было принято) о том, чтобы во всех списках кандидатов в Учредительное собрание 50 % составляли женщины; за этим крылся расчет на то, что женщины, обычно более консервативно настроенные, чем мужчины, станут парламентской опорой исламистов. Оправдается ли этот расчет – неизвестно. Может получиться обратное. Если судить по картине, характерной для улиц центральной части тунисской столицы, многие женщины надели хиджаб (мусульманский платок), а под чадрой ходят единицы.

Кроме того, за годы, прошедшие после издания Закона о личном статусе

(13 августа 1956 г.), который запретил полигамию и в основном уравнил в правах тунисцев обоих полов, родилось 2/3 современного населения страны.

Вполне возможно, что большинство жителей Туниса разделяет мысль Сухейр Бельхасен, избранной в 2007 г. президентом Международной федерации лиг за права человека (МФЛПЧ): «Я дитя Закона о личном статусе. Тунис – страна женской эмансипации. Туниска во главе МФЛПЧ – это символично».

Однако нельзя исключить и реализацию пессимистического прогноза: исламисты сумеют «конфисковать революцию», тем более что «Нахда», в руководстве которой есть свои «голуби и ястребы», пользуется двойной риторикой. Ее представители говорят одно с публичной трибуны (мы, мол, за соблюдение Закона о личном статусе, за равенство полов) и совсем другое в мечетях: надо восстановить шариат как единственное средство спасения страны, светские партии – орудие сионизма и т. п. Оказывая благотворительную помощь бедным, число которых с января 2011 г. растет, ибо на фоне экономической рецессии безработица в Тунисе подскочила (только по официальной оценке) с 14 до 20 % самодельного населения, «Нахда» завоевывает народные кварталы, провоцирует демонстрации с требованием то отставки правительства, то роспуска Высшей инстанции. В ответ на это 8 и 21 июля в столице прошли марши сторонников светскости...

Разумеется, рамки журнальной статьи не позволяют коснуться всех нюансов политической жизни Туниса, озаглавленной ожиданием выборов. Они уже не за горами, а какой будет его новая конституция, узнаем, быть может, нескоро. Ведь первое Учредительное собрание Туниса, избранное 25 марта 1956 г., обсуждало

* Его текст на арабском языке, одобренный Высшей инстанцией // <http://www.hipr.tn>.

«старую» конституцию более трех лет. Но главный вопрос заключается в том, вступит ли эта страна, где пробилась ростки гражданского общества, на путь необратимого «демократического транзита»?

Приложение 1

Целью переворота, идея которого созрела в недрах ЦК правящей Социалистической дустуровской партии (СДП), было отстранение от власти соучредителя и председателя этой партии, «зодчего» и первого президента Тунисской Республики (с 1975 г. – пожизненного) Хабиба Бургибы, который был уже стар и тяжело болен.

Харизматичный лидер национального движения, возглавленного Новой либерально-конституционной партией – партией «Новый Дустур» (*дустур* означает «конституция»)*, после провозглашения независимости Туниса (20 марта 1956 г.) бессменно управлял страной. Сначала как премьер-министр – до упразднения бейской монархии 25 июля 1957 г. Хабиба Бургибы действовал авторитарными и зачастую волюнтаристскими методами, но именно силой своего авторитета и политической воли поставил страну на рельсы модернизации, снискав репутацию «тунисского Ататюрка».

В последние годы его правления в определенных слоях общества нарастало недовольство этой модернизацией и де-факто светским характером тунисского государства; набирало силу исламистское движение, популярное среди учащейся молодежи и части представителей верхнего среднего класса¹, что побудило Бургибу приблизить к себе Бен Али как человека «твердой руки». Эта «рука» его и свергла с помощью некоторых членов партийно-правительственного руководства, разработавших сценарий «жасминовой революции»: семь врачей подписали заключение о недееспособности Бургибы, что позволило Бен Али возложить на себя – без нарушения конституции – президентские обязанности.

Приложение 2

Одной из функций службы армейской безопасности в Тунисе являлось изучение военного потенциала вероятного противника (что делалось в интересах США: слежка за ВМФ СССР), другой – ведение внутриармейской разведки, т. е. главной задачей Бен Али, руководившего этой службой (1964–1974 гг.), было составление рапортов о поведении офицеров⁸.

Потом был военным атташе в Рабате и по совместительству в Мадриде; 23 декабря 1977 г. возглавил Службу национальной безопасности (*Surete Nationale*) и отличился как организатор кровавой расправы с манифестантами в «Черный четверг» 26 января 1978 г. – день общенациональной забастовки.

Затем побывал послом в Варшаве (1980–1984 гг.), откуда вернулся на прежний пост. Но на сей раз получил ранг статс-секретаря, вошел в кабинет министров и ЦК СДП, а последнее (как и членство в любой политической партии) исключалось по тунисским законам для лиц, находящихся на действительной военной службе.

* Партия «Новый Дустур» была создана в 1934 г. и переименована в СДП на ее VII съезде (1964 г.)

Однопартийный режим в Тунисе был отменен весной 1981 г., после чего МВД легализовало несколько оппозиционных партий, но вплоть до 1994 г. ни одна из них не выигрывала на парламентских выборах, чему способствовала действовавшая в стране мажоритарная избирательная система, которая обеспечивала абсолютную победу правящей партии. Чтобы набросить демократический флер на авторитарный режим, тунисские власти зарезервировали за оппозицией определенное количество депутатских мест (за 1994–2009 гг. оно возросло с 9% до 25%).

Это был остроумный ход.

Во-первых, на самих выборах, зная заранее, сколько мандатов отведено партиям оппозиции, они боролись не с ДКО, а между собой.

Во-вторых, получая финансовую помощь от государства, полагающуюся парламентским партиям, занимали по отношению к нему сервильную позицию, позволяя себе лишь беззубую критику по малозначимым вопросам, и одобряли законопроекты, предложенные президентом или правительством. Исключение составляло движение «ат-Таждид», депутаты которого, в частности, проголосовали в 2002 г. против поправки к Основному закону, отменившей ограничение на количество переизбрания президента республики.

Примечания

- 1 Видясова М. Ф., Орлов В. В. Политический ислам в странах Северной Африки: история и современное состояние. М.: Изд-во МГУ. 2008. С. 16–134.
- 2 Из материалов состоявшегося 20 апреля 2011 г. в Институте стран Азии и Африки МГУ «круглого стола» на тему «Социально-экономические аспекты событий на Арабском Востоке» (готовятся к печати).
- 3 Кашина А. «Жасминовая революция» в Тунисе // Обозреватель-Observer. 2011. № 7. С. 81.
- 4 Демиденко С., Штойк М. Ближний Восток в огне // Вестник аналитики. 2011. № 2 (44). С. 35.
- 5 Быстров А. А. Тунис: о реальных причинах «жасминовой революции» // http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html 13.03.2011.
- 6 Beau N., Graciet C. La Regente de Carthage. Main basse sur la Tunisie. Paris: La Decouverte, 2009.
- 7 Beau N., Muller A. Tunis et Paris. Les liasons dangereuses. Paris: Gawsewitch, 2011. С. 40–41.
- 8 Zmerli A. Ben Ali le ripou. Kapitalis.com, [2011]. С. 10–11*.
- 9 Видясова М. Ф. Джихад без войны. Тунисский опыт модернизации и политическое наследие Хабиба Бургибы. М.: ИСАА при МГУ, 2005. Т. I. Кн. 1. С. 422–428.
- 10 Caid Essebsi B. Habib Bourguiba. Le bon grain et l'ivraie. Tunis: Sud Editions, 2009; Charfi M. Les ministres de Bourguiba (1956–1987). Paris: L'Harmattan, 1989 (справочное издание). <http://fr-fr.facebook.com/ministere.interieur.tunisie>
- 12 Camau M., Geisser V. Le syndrome autoritaire. Politique en Tunisie de Bourguiba a Ben Ali. [Paris]: Presses de la Fondation nationale des sciences politiques, 2003. С. 302, 239.
- 13 Аш-Шурук (Тунис). 14. 6. 2011.
- 14 Hamdi E. M. The Politicisation of Islam. A Case Study of Tunisia. Boulder (Colorado) and Oxford (United Kingdom): Westview Press, 1998.
- 15 Attariq aljadid (двуязычная газета «Новый путь»). № 227, 2011. 16–22 avril.
- 16 Ben Haj Yahia F. La gamelle et le couffin. Fragments d'une histoire de la gauche au temps de Bourguiba. Tunis: Mots passants, 2009. С. 93; Naccache G. Qu'as-tu fait de ta jeunesse? Itineraire d'un opposant au regime de Bourguiba (1954–1979). Tunis – Paris: Mots passants – Editions du CERF, 2009. С. 104, 157–158.

* Эта книга «Бен Али – мусор», раскрывающая подноготную карьеры ее героя, была вскоре опубликована под настоящей фамилией автора – *Tourki*.